

Ильин М. Влияние Чехова на американский театр // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1954. 11 июля № 15415. С. 4, 8.

ВЛИЯНИЕ ЧЕХОВА НА АМЕРИКАНСКИЙ ТЕАТР

(К 50-летию со дня смерти)

Максимилиан Ильин.

Имя Чехова очень популярно в Соединенных Штатах. Чем полонил Америку этот, по словам Толстого, самый русский из русских писателей? Почему его драматические произведения, представляющие отмиравший русский дореволюционный быт, волнует американского зрителя по сегодняшний день?

Знаменитый английский драматург, Бернард Шоу, говорил: «каждый раз, когда я вижу пьесу Чехова, я хочу бросить в огонь все мои произведения». Это довольно краткое определение художественной ценности Чехова не исчерпывает для американских драматургов всего своеобразия, всей силы Чеховских произведений.

Драмы Чехова построены на внутреннем эмоциональном развитах. Внутренние переживания героев Чехова сливаются с внутренней сущностью его произведений. В каждом действующем лице у Чехова есть личное того, что в музыке называется лейтмотивом, и лейтмотивы у Чехова механически связаны.

Принято говорить о драмах Чехова, как о «театре настроения», как о «театре художественной подлинной правды», как о «театре поэзии»... Все эти определения ценны, но надо помнить, что каждое произведение Чехова есть прежде всего драма социальная. Художественный мир Чехова близок большому американскому драматургам, так как в большинстве случаев ими руководит верное и здоровое социальное чутье.

В американской художественной литературе социальная идея всегда стоит на первом плане. Этим должно быть объясняется большое количество переводов Чеховских пьес на английский язык. Каждая пьеса Чехова переводилась много раз в разные времена, разными переводчиками. Его драматические произведения издаются в Америке гораздо чаще, чем его проза. Пьесы Чехова являются любимыми произведениями всех американских экспериментальных театров.

Особый интерес к Чеховским пьесам возбудили гастроли Московского Художественного Театра в Америке в 1922 году, на которых американская публика, слушая «Трех Сестер», «Вишневый Сад», «Дядю Ваню» и «Иванова», и не понимая ни одного слова по-русски, восторгалась постановками и сыгранностью ансамбля.

Через несколько лет после этих гастролей началась серия знаменитых постановок Чеховских пьес на американской сцене. Из этих постановок не обходимо отметить «Вишневый

Сад», поставленный впервые Евой Ла Галиен в 1928 году. В том же году Театр Гильд поставил «Чайку» с такими актрисами, как Маргарет Вебстер, Фонтэн и Луидт.

Постановка «Трех Сестер» в 1943 году под режиссурой Мак Клинтон с Катериной Корнелл в роли Маши, Юдит Андерсон в роли Ольги и Рут Гордон в роли Наташи была встречена нью-йоркскими газетными критиками, как одно из крупнейших достижений американского театра.

«Вишневый Сад», поставленный в 1944 году под режиссурой Маргарет Вебстер вызвал следующий отклик одного из американских журналистов: «Кто говорит, что это русская пьеса? Кто говорит, что эту пьесу написал русский драматург? Эта пьеса быть может и русская, потому что действующие лица в ней называются по именам отчества, потому что помещица называется Любовию Андреевной, а ее брат Леонидом Андреевичем. Измените имена. Вместо вишневого

(Окончание на 8 странице)

ВЛИЯНИЕ ЧЕХОВА НА АМЕРИКАНСКИЙ ТЕАТР

(Начало на 4-й стр.)

сада представьте себе рошу магнолий. Вместо купца Лопатина — американского дельца. Посадите на диван старого негра вместо русского лакея Фирса и пусть он, как Фирс умирает, забытый всеми, и вы увидите быт нашего Юга в душу раздирающей пьесе. Нет, это не только русская, это вполне универсальная пьеса».

Не удивительно, что, благодаря частым изданиям и блестящим постановкам Чеховских пьес на американской сцене, Чехов оказал большое влияние на американских драматургов. Это влияние не всегда можно назвать прямым влиянием. Это часто влияние — постепенно распространяющееся, как круги воды от упавшего камня, и слегка задевающее даже таких драматургов, как Юджина О'Нилла, Максвелла Андерсона и Элмера Райса. Иногда это влияние очень сильно, и чувствуется оно особенно в общей атмосфере драматического произведения, и даже в диалогах.

В пьесе Вильяма Сарояна «Самые веселые минуты» Китти, героиня пьесы, произносит следующий монолог:

«О чем я мечтаю? Мне снится, что я опять дома. Господи, Боже мой, мне всегда снится, что я дома, а дома больше нет... Нет своего места... Но я всегда мечтаю о всех моих родных и о том, что мы опять все вместе. У нас была ферма в Охайо, бедная печальная местность. Вечно были огорчения. А я вот постоянно мечтаю об этой ферме; вернуться бы только и папа будет там, и мама, и Луи, и мой маленький братец Стефен, и сестра Мэри. Моя фамилия не Дюваль. Дюваль!... Я — полька, моя фамилия Корановская, Катерина Корановская. Мы все потеряли: дом, ферму, деревню, лошадей, коров. Папа умер, от старости; он был на тринадцать лет старше мамы. Мы переехали в Чикаго. Мы все хотели найти работу. Мы все хотели остаться вместе. У Луи начались какие-то неприятности: друзья, с которыми он водился, убили его неизвестно за что. Семнадцатилетний братец Стефен убежал из дому. Я не знаю, где он. Потом мама умерла. О чем я мечтаю? Мне снится, что я опять дома».

В этих словах чувствуется та коничность Чеховской фразировки. В этом монологе слышны звуки Чеховской лирики. Как и Чеховские пьесы, эта пьеса Сарояна построена на внутреннем эмоциональном развитии.

Знаменитый американский драматург Клиффорд Одетс также не избежал влияния Чехова. Из всех его драматических произведений самыми характерными, в этом отношении, являются две пьесы: «Пронись и пой» и «Потерянный рай».

Клиффорд Одетс показывает нам глубокие перемены в жизни среднего класса Соединенных Штатов. По мнению Одетса, представители этого общественного слоя Америки начинают понимать, что жизнь у них не такая, какой она могла бы быть. Его герои, лишенные героизма, имеют много общего с такими же героями Чехова. Как и Чехов, Одетс любит своих героев даже тогда, когда они отрицательны. Как Чехов он правдив и зовет к борьбе с рутиной, с устарелыми и обветшалыми формами жизни. Как у Чехова герои Одетса мечтают о светлом будущем.

Пьеса Одетса «Потерянный рай» кончается следующими словами главного действующе-

го лица, Лео Гордона: «Что это за разговоры о банкротах, неудачах, ненависти... Они хотят знать, что это значит? Весь мир принадлежит человеку. Мир будет прекрасен. Люди будут петь во время работы, люди будут любить... Это только утро, утро над человечеством. Побольше воздуха! Откройте окна!»

износит после того, как всю его мебель за невязнос квартирной платы вынесли на улицу.

«Начинается новая жизнь, мама», — говорит у Чехова Аня Раневская после продажи с торгов вишневого сада, после потери рая.

Самым разительным примером прямого влияния Чехова на американский театр, — это творчество американского поэта и драматурга Теннесси Вильямса. Вот содержание одной из его ранних одноактных пьес. Невзрачная, опустившаяся женщина выслушивает упреки своей квартирной хозяйки, которой она задолжала за комнату. Квартирантка что-то бормочет в свое оправдание о каучуковых плантациях в Бразилии, которые будто бы ей принадлежат и откуда она должна получить деньги. Все это неправда, никаких плантаций нет. Неизвестный писатель, сосед по комнате, тоже неплатящий за квартиру, вмешивается в этот разговор и прогоняет хозяйку. Квартирантка остается вдвоем с писателем и у них происходит следующий диалог:

— За что я плачу ей эти деньги? Повсюду тараканы! На стене, на потолке, на полу. Они здесь кишмя кишат!

— Успокойтесь, сударыня. Все это известно. Я предполагаю, что в Бразилии на вашей плантации нет тараканов.

— Конечно, нет. Там всегда и везде безукоризненно чисто... Всегда... безукоризненно. Полы там чистые, светлые, они блестят, как зеркала.

— Я все это знаю, сударыня. Окна должны быть там тоже чисто вымыты и перед ними, наверно, растилается чудесный вид.

— Да, вы правы, неописуемо чудесный вид.

— Скажите, сударыня, как далеко от вашей плантации в Бразилии до Средиземного моря?

— До Средиземного? Только верста или две.

— В таком случае, если я смею заметить, сударыня, вы можете видеть с вашей плантации, утром в ясную погоду, через Ламанш, белые меловые утесы Дувра?

— Да, конечно, в очень ясную погоду, я их видела. Спасибо вам, дорогой... Я не знаю вашего имени...

— Моя фамилия — Чехов, Антон Павлович Чехов.

— Спасибо вам, господин Чехов.

Этим фантастическим диалогом, полным Чеховского юмора, кончается эта пьеса.

В конце 1944 года впервые была поставлена пьеса Теннесси Вильямса «Стеклянный зверинец». Это драматическое произведение один из самых ярких примеров влияния Чехова на американский театр.

В прологе к «Стеклянному зверинцу» имеются следующие фразы полные Чеховских настроений:

«У меня есть кое-что в мыслях. У меня имеются про запас разные трюки и фокусы. Но я противоположность фокусника. Тот дает вам иллюзию, которая кажется правдой, а я даю вам правду в приятной обложке иллюзии. Чтобы начать, я иду против течения времени. Я возвращаюсь к тому странному периоду тридцатых годов, когда огромная часть посредственных американцев попала в школу для незрячих. Глаза обманывали их, а может быть они обманывали свои глаза... Эта пьеса — воспоминание. Как каждое воспоминание, эта пьеса видна сквозь туман. Она сентиментальна, она не реалистична. В воспоминаниях кажется, что все происходит под звуки музыки. Этим объясняется скрипка за кулисами. Я автор пьесы, а также персонаж».

Эти слова произносит Том Вингифильд, один из героев «Стеклянного зверинца». Кроме него действующие лица: его мать, несчастная женщина, живущая воспоминаниями, его хромая сестра, собирающая коллекцию маленьких стеклянных зверей и живущая в каком-то фантастическом зверинце; его сослуживец, такой же неудачник, как и Том, Никчемная, ненужная, провинциальная жизнь... Чтобы уйти от повседневной действительности, от брезжания матери, от скуки и тоски, Том каждый вечер отправляется в кино.

Во втором акте «Стеклянного зверинца» Том говорит:

«Я устал от кино. Я устал глядеть на всех этих блестящих героев с их чудесными приключениями. Вы знаете, в чем дело? Вы знаете, почему люди идут в кино? Они смотрят на движущиеся туманные картины, вместо того, чтобы самим двигаться. Голливудские герои переживают на экране разные приключения. Переживают они эти приключения за всех американцев, вместе взятых. Вся Америка сидит в темных залах и следит за этими блестящими персонажами».

Сколько подлинной Чеховской грусти в этих словах.

Пьеса «Стеклянный зверинец» имела сразу головокружительный успех. В этом отношении судьба улыбнулась Теннесси Вильямсу. Чехову пришлось долго ждать общего признания и до того, как его «Чайка» была представлена Московским Художественным Театром, пережить два провала своих пьес.

Первое крупное сценическое произведение Теннесси Вильямса с первого же дня было встречено с восторгом, и его имя стало наряду с именами самых больших драматургов Америки.

Через 50 лет, может быть, будут вспоминать дату премьеры «Стеклянного зверинца» и говорить — это был день, когда в американском театре появился американский Чехов.

Максимилиан Ильин.